

ПРОБЛЕМА ОСОБЕННОСТЕЙ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА Н.А. БЕРДЯЕВА В ПЕРИОД ДО 1916 ГОДА

В статье рассмотрены особенности становления религиозно-философской концепции творчества Н.А. Бердяева в период её первоначального оформления. Авторами проанализированы истоки, а также некоторые ключевые характеристики, задающие оригинальность подходам Н.А. Бердяева к проблематике творчества.

Рассмотрение особенностей становления концепции творчества Н.А. Бердяева в начале его философского пути является крайне важным для адекватного понимания философского наследия мыслителя в целом.

Целью данной статьи является анализ основных подходов Н.А. Бердяева к творчеству на раннем этапе их философской концептуализации. Из поставленной цели вытекают следующие *задачи*: рассмотреть эволюцию взглядов Н.А. Бердяева на творчество; представить идею «творческого взросления» как одну из ключевых доминант в эволюции взглядов мыслителя.

Изучению проблемы творчества в философии Н.А. Бердяева посвящено множество исследований, отечественных и зарубежных [1-10]. Попытки разобраться в концептуальных истоках данной проблематики и выявить идейную эволюцию взглядов Н.А. Бердяева предпринимались как современниками мыслителя, так и исследователями последующих поколений. Необходимость обобщённого подхода к становлению взглядов Н.А. Бердяева на творчество в начальный период их становления обусловлена *актуальностью* данной исследовательской работы.

Тему творчества Н.А. Бердяев считал для себя главной. В «Самопознании» он отмечал, что признаёт своей слабостью то, что не посвятил себя этой теме исключительно и отвлекался на другие, менее характерные для него темы [11, с. 211]. В становлении бердяевских представлений о творчестве можно отследить некоторые изменения. В связи с этим можно говорить об определенной эволюции взглядов мыслителя. Граничной книгой первого этапа творческих изысканий Н.А. Бердяева можно считать книгу «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (впервые опубликована в 1916 г.), работа над которой была начата в 1912 г. Именно эту книгу сам Н.А. Бердяев считал первым оригинальным выражением своей философской мысли. Предшествуют её написанию и являются важными вехами философского пути Н.А. Бердяева обращение его к «новому религиозному сознанию» и затем к православию и проработка начальных интуиций о свободе.

Рассмотрим, как эволюционируют в этот период идейные позиции Н.А. Бердяева. В 1905 г., переехав в Петербург, Н.А. Бердяев попадает в ситуацию дружбы-вражды двух идейных группировок, определявших редакционную политику вначале журнала «Новый путь», а затем его преемника – журнала «Вопросы жизни». Одной из групп были вчерашние марксисты, а теперь идеалисты с религиозным уклоном мысли, возглавляемые С. Булгаковым, а другой – представители «нового религиозного сознания» с лидирующей позицией Д. Мережковского. Общим была оценка состояния современной им православной церкви как неадекватной духовным и социальным потребностям современной России. Отсюда возникало стремление преобразовать Церковь в институт борьбы за свободу и достоинство личности.

В первый, петербургский, этап общения с С. Булгаковым Николай Александрович воспринял от него практику постоянной молитвенной обращённости ко Христу как обязательного условия собственной мыслительной деятельности. Она заключалась в том, чтобы вначале вызывать в себе образ мысли Христа и затем мысли, возникшие в процессе собственной мыслительной деятельности, согласовывать с этим образом, устраняя их несоответствие. Подлинный мыслительный процесс при этом раскрывался в соответствии с достигнутым Н.А. Бердяевым пониманием мистического опыта. Он заключался в познании через самоуглубление, при котором сознание впускало в себя непосредственный опыт переживаний с последующим их осмыслением. При этом в самом переживании должен был открываться метафизический субстрат – духовно-субстанциональная основа другого субъекта, которой присуще тождество духовно-субстанциональной основе познающего, что и позволяло достичь трансперсонального выхода в другой субъект и познания вне субъект-объектной разделённости. Поэтому Н.А. Бердяев в работе «Новое религиозное сознание и общественность» (1907) называет мистику трансцендентной искренностью. Под ней понимается именно достижимость выхода из замкнутости своего сознания в другое сознание.

Утверждение возможности выхода своего сознания в сознание других субъектов универсума как тождественных приводило философа к идее потенциального отождествления своего сознания, своего духа с духом всех субъектов мира. А это наводило его на осознание представительства себя в этом состоянии от имени мирового духа перед духом иного качества – перед Божественной реальностью. В этом предстоянии себя перед Богом реальность Христа выступала для мыслителя лишь корректором правильного видения, посредником, собственное же положение – метафизический статус – выглядело неопределённо, а отсюда неопределённой была и собственная роль в отношении с Богом. По сути дела, Н.А. Бердяев впадал в уклонение «икономического» понимания Троицы, и прежде всего природы Христа. Впоследствии, по мере большего освоения православного святоотеческого наследия, философ преодолевает данное понимание. Именно в разрешении проблемы поиска смысла жизни – личной и мировой – видит он в этот период предназначение религии. В работе «Новое религиозное сознание и общественность» Н.А. Бердяев пишет: «Мне нужна религия, чтобы открылся смысл моего существования и смысл мировой истории и чтобы связался, скрепился навеки мой личный смысл со смыслом мировым. Я уповаю, что в религии, в религиозном гнозисе, религиозном прозрении откроется мне тайна о моей личности, откроется, что я, откуда я и зачем я, и тайна о мире, о реальности, с которой я связан бессмысленно, а хочу связать себя осмысленно» [12, с. 17].

В целом можно констатировать, что проблема поиска собственного статуса во все-ленской иерархии выступила центральной в философских исканиях Н.А. Бердяева на отрезке 1905 – 1912 гг.

Следует отметить, что пристрастия Н.А. Бердяева периода 1908 – 1911 гг. вначале имеют только одно явное направление – православную мысль, и лишь постоянные воздействия окружающей его интеллектуальной моды заставляли его откликаться, и иногда живо и вовлечённо, на другие течения. Это формировало скрытое направление – мистико-теософское. Н.А. Бердяев изучает русскую религиозную мысль, восточную патристику, аскетическую литературу, внимательно читает сочинения славянофилов, однако наряду с этим интенсивно осваивает немецкую мистику и Р. Штейнера, оккультизм и каббалу. Он входит в кружок «православного возрождения», имевшего своей целью развитие философии и мировоззрения на православных началах.

Важнейшей темой этого периода становится тема свободы. Она ранее была воспринята Н.А. Бердяевым у Ф.М. Достоевского и впервые осмыслена в работе 1907 г. «Великий инквизитор». С новой силой данная тематика обосновывается в «Философии свободы»

(1911). Здесь принятие веры Христа противопоставляется принуждению окружающего мира, и, более того, именно оно и ведёт, по мнению автора, к внутреннему освобождению от принуждающей силы мировой данности. Н.А. Бердяев отмечает, что в восточно-православной мистике Божественное изнутри пронизывает человеческое, насыщает его, в то время как католическая мистика оставляет Божественное вне человека, как предмет подражания и страстного стремления. Свобода определяется Н.А. Бердяевым как конститутивный признак именно человеческой сущности, и ей отдаётся примат над бытием. Однако в этой работе, несмотря на упоминание мистики Я. Бёме, ещё нет идеи выведения истока свободы из Безосновного, что будет выражено только в 1930 г.

В «Философии свободы» Н.А. Бердяев пишет: «Новое религиозное сознание есть прежде всего освящение творчества» [12, гл. V.5]. То есть, как будет отмечено им позже в «Самопознании», в этой работе уже отчетливо утверждается примат свободы и абсолютная связь проблемы свободы с проблемой творчества [11, с. 213].

Книгу «Смысл творчества» Н.А. Бердяев называл самой вдохновенной своей работой. В «Самопознании» он напишет, что это книга «периода Sturm und Drang» его жизни [11, с. 212]. Книга эта во многом построена на бинарных оппозициях, но не по типу «плохое – хорошее», а по типу «покой – беспокойство», «остановка – движение». Творчество понимаемо здесь как «хождение по лезвию бритвы», в связи с чем Н.А. Бердяев говорит, что новой религиозной творческой эпохе должна быть свойственна «добродетель небезопасного положения» [13, с. 131]. В этом чувствуется очень сильное влияние Ницше и революционистских настроений того времени.

В «Самопознании» Н.А. Бердяев напишет: «Творческий акт есть наступление конца этого мира, начало иного мира» [11, с. 219]. Что это значит? На наш взгляд, именно книга «Смысл творчества» задает наиболее адекватное истолкование этой формулировки. Речь идёт не об утверждении иного мира вместо этого, но об утверждении переходности. Творческий акт есть одновременно и конец и начало, так как он есть переходность. В связи с этим можно отметить, что, несмотря на во многом гностический характер бердяевской философии, он не гностичен в общепринятом смысле, так как он провозглашает не уход в другой мир, не окончание – «приканчивание» – «убийство» этого мира, он провозглашает состояние «переходности» как единственно творческое состояние. Собственно говоря, оно может быть названо «состоянием» лишь условно, аналогично условному «покою», который в бурях ищет лермонтовский «парус».

Творчество понимаемо Н.А. Бердяевым как принципиальная «неоконченность», «нескончаемость» и, соответственно, «непредсказуемость». Что должен творить человек, исходя из концепции творчества Н.А. Бердяева? Что представляют собой «новые небеса» и «новая земля», о которых упоминает Н.А. Бердяев в «Смысле творчества»? Винить философа в том, что он не даёт внятных разъяснений на эти вопросы – значит не понимать, о чём он вообще говорит. Нельзя представить конечные результаты творчества, нельзя их предсказать. Потому что иначе они будут не новы и не свободны. Это вовсе не пафос творческого экстаза как такового. Так как пафос экстаза предполагает достижение одержимости, лёгкости, наслаждения неосознанностью. Н.А. Бердяев же говорит о «подъёме», вдохновении как о неких резонансно-«повышенных» состояниях, но это повышение сознания, подъём человеческого духа, а не переход в блаженную «несознательность», не сдача своего духа во владение высшим (внешним) силам, а следовательно – не одержимость.

Вот это и непривычно в бердяевских рассуждениях. Так как творческое беспокойство, порыв обыкновенно понимается именно как одержимость (в высшем, «положительном», или низшем, «отрицательном», смысле). Для Н.А. Бердяева же «я творю» – значит «я держу мир в своих руках и могу вносить в него изменения», но не «я держим некими силами,

энергиями, высшими вибрациями». Ранний Н.А. Бердяев говорит о том, что нельзя допустить, чтобы одержимость мешала творчеству, то есть, что творчество – это во многом сопротивление одержимости. Поздний Н.А. Бердяев говорит, что одержимость потому и присуща гению, что не способна помешать истинному творчеству. «Гений – человек одержимый, но он творец» [11, с. 223]. Характерной в конструкции данной фразы является именно частица «но».

Мы уже упомянули о том, что «Смысл творчества» конструктивно построен на бинарных оппозициях особого типа. Эта «особость» касается прежде всего того, как и что Н.А. Бердяев противопоставляет творчеству. Рассмотрим для примера оппозицию между искуплением (послушанием) и творчеством. Обычно возникает две линии возражения против таковой оппозиционности. Во-первых, почему творчество не может быть противоречивым единством послушания и дерзновения? Ведь сам Н.А. Бердяев много говорит о противоречивости, принципиальной, неискоренимой противоречивости человеческой природы. Почему же само творчество не может обладать такой противоречивостью, содержать её в себе? В этом смысле Вячеслав Иванов, например, поднимая и утверждая эту тему, кажется намного глубже. Но дело в том, что Н.А. Бердяев (и особенно ярко это как раз в рассматриваемый нами период, и как раз в «Смысле творчества») проводит идею творчества, как идею подвижности как таковой, а не подвижной (динамичной) системы. Творчество не содержит у раннего Н.А. Бердяева противоречивости, потому что оно и есть противоречивость. Оно есть нахождение «между», то есть в «небезопасном положении», а не единство противоположных положений с периодическими переходами из одного в другое, оно есть само это «между».

Во-вторых, чем творчество лучше послушания? Почему же послушание не может быть принципиально (не относительно, как приуготовление к творчеству) так же хорошо, или лучше, чем творчество? Основа данного возражения, на наш взгляд, в том, что рассматриваемая бинарная оппозиция воспринимается как конструкция из двух полюсов – положительного и отрицательного. А между тем, если полюс – это крайняя точка, то данная бердяевская оппозиция – это не два полюса, а скорее полюс и не-полюс. В предыдущих наших работах мы уже анализировали своеобразную «бриколяжную» мыслительную технику Н.А. Бердяева, отмечая, что различные противоположные идеи Н.А. Бердяеву нужны, чтобы от них «отталкиваться» [14, с. 61-63]. Но само творчество для философа – это выход из «замёрзшего», «точечного» состояния, это «состояние», в котором невозможно задержаться, – это подвижность.

Следует отметить, что Н.А. Бердяев рассматривает (через творчество) человеческую жизнь как «открытую» систему. «Открытую» в смысле свободы, то есть непредсказуемости. Жить с осознанием непредсказуемости, увеличивая эту непредсказуемость собственным творческим выбором – вот к чему призывает Н.А. Бердяев. Открытость в данном случае означает прогрессирование, то есть продвижение вперёд. Естественно, Н.А. Бердяев выступает против «доказательности», «дискурсивности», говоря о доказательности как о «пониженном духовном общении», так как доказательство как таковое – это обратный ход мысли и, по сути, обустройство «закрытой», «ограниченной» системы. В период «бури и натиска» Н.А. Бердяев крайне остро выступает с критикой любых систем «закрытого», «завершённого», «совершенного» типа.

Для Н.А. Бердяева неприемлема законченность структур и механичность (инструментальность) механизмов. А потому творчество для него – не изобретательность, равно как и не игра. На втором утверждении остановимся подробнее. Когда читаешь «Смысл творчества», поражает не только радикальность, повелительность и «небрежность» автора, но и предельная его серьёзность. Нигде не сказано о творчестве и игре (или об игровом моменте творчества) или, например, о творчестве и смехе. Кроме того, Н.А. Бердяев од-

нозначно высказывается о тяжести и «героичности» свободы, о тяжести творческого выбора, о творчестве как преодолении и подвиге. Поэтому, на наш взгляд, можно включиться в диалог с профессором В.В. Шкодой по поводу рассуждений, приведенных им в статье «Николай Бердяев: христианский смысл творчества». В.В. Шкода проводит различие двух типов творчества, условно говоря, «пути Моцарта» и «пути Сальери», утверждая: «Бердяев – Моцарт в философии» [8, с. 279]. Это представляется нам дискуссионным. Во-первых, потому что разница между Моцартом и Сальери, скорее, не в творческих путях, а в силе таланта, в уровне гениальности.

Во-вторых, исследователем, вероятно, упускается разница между детством и юностью. Моцарт – «ребёнок». А Н.А. Бердяев призывает к творческому «взрослению», он переживает возраст «юности», а не «беззаботного, игривого детства». В «Самопознании» философ признается: «Я остаюсь в своём вечном возрасте юности» [11, с. 326]. Н.А. Бердяев выбирает не «путь Моцарта» вместо «пути Сальери», он как бы говорит, что Моцарт должен повзрослеть, но не превратиться при этом в Сальери, то есть «взросление» должно привести не к количественной убыли, а к качественной прибыли творческих способностей.

Тема «творческого взросления» крайне значима для Н.А. Бердяева. Говоря о «третьей религиозной эпохе», об эпохе Духа, он имеет в виду прежде всего достижение человеком творческой самостоятельности. Не случайно, Вячеслав Иванов, комментируя книгу «Смысл творчества», скажет, что у Н.А. Бердяева «человек творит одновременно через Бога и без Бога» [5]. Но что значит, человек творит без Бога? То, что человек самостоятелен и творит. Но почему же самостоятельность – это безбожие? Проводя аналогию: разве когда человек взрослеет и становится самостоятельным, он непременно перестаёт любить своих родителей и отказывается от них? Разве несамостоятельный, слабый и зависимый ребёнок лучше взрослого? Тогда в чём же смысл взросления? Можно, конечно, сказать, что смысл жизни – в смерти и, вообще, что всё бессмысленно, но это-то как раз и есть безбожные рассуждения.

Однако, с другой стороны, Н.А. Бердяев (что особенно отчётливо прослеживается в краеугольной, предельной работе раннего периода – «Смысл творчества») слишком «увлекается» процессом творческого взросления. Взрослый не должен в полном смысле быть ребёнком или возвращаться в детское состояние. Но это не значит, что между этими состояниями (детским и взрослым) разрыв или, иначе, что все детские черты должны быть окончательно стёрты или преданы «анафеме». У Н.А. Бердяева же всё слишком серьёзно. У него есть «небрежность» и даже некоторая «беспредметность» (в чём частично можно согласиться с доводами В.В. Шкоды), но нет «лёгкости», так как «лёгкость» невозможна без «игры». В бердяевском восприятии творчества нет ни малейшего «игрового» элемента. Это, кстати, объясняет в определённой степени и его отношение к совершенству классических произведений и довольно странное признание о себе самом: «...я никогда не мог решить ни одной математической задачи, не мог выучить четырёх строк стихотворения» [11, с. 23]. Потому что и в том и в другом случае «игровой момент» имеет не последнее значение. К примеру, стремление к совершенству в искусстве, это не только стремление к повышению творческого уровня или утверждение возможности чего-то «завершённого» в этом мире, это ещё и игровое стремление. В Евангелии сказано: «Будьте как дети». Не это ли вызывает базовую интуицию Н.А. Бердяева об относительности и «неоконченности» Писания?

Возникает вопрос, почему представления о творчестве у Н.А. Бердяева так предельно серьёзны, что понуждают некоторых исследователей говорить о «сверхгордыне» их автора? На наш взгляд, с одной стороны, это связано с тем, что Н.А. Бердяев, как было сказано в начале статьи, сближает своё философское творчество с религиозно-мистическим, дает своеобразное истолкование сути мистического опыта. С другой стороны, особенно

в период «бури и натиска», психологически он как бы переживает своего рода «подростковый кризис», важнейшей характеристикой которого, как правило, и является «гиперсерьёзность». И этот период у Н.А. Бердяева созвучен многим чертам эпохи, проанализированным нами более подробно в работе «Фигура автора в реализме, модернизме, постмодернизме и синергетике» [15].

Небезынтересно в связи с рассматриваемой темой серьёзности обратить внимание на отношение Н.А. Бердяева к философским идеям Ницше. В поздней своей работе «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (впервые издана в 1947 г.) он напишет: «Устремлённость Ницше к божественной высоте выразилась в воле к преодолению человека. И он проповедует сверхчеловека, который есть для него псевдоним божественного... Самой большой заслугой Ницше была постановка проблемы творчества» [16, с. 370-372]. И далее: «Две идеи владеют им – идея вечного возвращения и идея сверхчеловека. Эти две идеи находятся в противоречии. Идея вечного возвращения есть идея античная, греческая идея циклического движения. Идея сверхчеловека есть мессинская идея... Я придаю мало значения печальной идее вечного возвращения, но огромное значение имеет идея сверхчеловека» [16, с. 373]. Но идея Ницше о вечном возвращении – это не только античная, языческая идея, связанная с круговым, нелинейным временем, это ещё и идея «игровая»! Так как именно в игре, несмотря на новизну и изменчивость исходов и ситуаций, происходит постоянное повторение, возобновление тех же правил.

В «Самопознании» Н.А. Бердяев напишет: «Intellectuel, мыслитель в известном смысле урод» [11, с. 41]. Резко, но верно. Но вот, что интересно, как правило, это интеллектуальное «уродство» так или иначе связано с чертами инфантильности, «детскости». «Уродство» же Н.А. Бердяева как интеллектуала, на наш взгляд, заключается в полном отсутствии у него «детскости», и это грустно.

В результате исследования мы пришли к выводу, что книга «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» является для Н.А. Бердяева ключевой, переломной работой, с которой собственно и начинается его самобытный философский путь. Другой вывод нашего исследования заключается в том, что одним из определяющих принципов в эволюции взглядов Н.А. Бердяева является культивируемый мыслителем принцип «творческого юношества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальцева Р.А. Николай Бердяев – философ творчества и теоретик культуры / Р.А. Гальцева // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. Т. I / предисл. Р.А. Гальцевой. – М. : Искусство, Лига, 1994. – 542 с.
2. Ермичев А.А. Творчество и культура в философии Н.А. Бердяева / А.А. Ермичев // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе : межвуз. сб. / под ред. проф. С.Н. Савельева. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1991. – 183 с.
3. Зеньковский В.В. История русской философии / Василий Зеньковский. – М. : Академический проект; Раритет, 2001. – 880 с. – (Summa).
4. Зеньковский В.В. Проблема творчества. По поводу книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» / В.В. Зеньковский // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. – СПб. : РХГИ, 1994. – 573 с. – С. 284-305. – (Русский путь, т. I).
5. Иванов В.И. Старая или новая вера? / В.И. Иванов // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. – СПб. : РХГИ, 1994. – 573 с. – С. 306-313. – (Русский путь, т. I).
6. Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века / В.А. Кувакин. – М. : Мысль, 1980. – 309 с.
7. Лундберг Е. Творчество как спасение / Е. Лундберг // Мысль и слово : Философский ежегодник. Т. I / под ред. Г.Г. Шпета. – М., 1917. – С. 277-296.
8. Шкода В.В. Николай Бердяев: христианский смысл творчества / В.В. Шкода // Н.А. Бердяев и единство европейского духа / под ред. Владимира Поруса. – М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 336 с. – С. 278-283. – (Серия «Религиозные мыслители»).

9. Murdoch P. Champbell. Der Sakramentalphilosophische Aspect im Denken Nicolaj Aleksandrovitsch Berdjajevs / Murdoch P. Champbell. – Erlangen, 1981.
10. Nucho F.N. Berdyaev's philosophy: The existential paradox of freedom and necessity / Nucho F.N. – New York : Anchor Books, 1967.
11. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Николай Бердяев ; сост., предисл., подг. текстов, ком. А.В. Вадимовна. – М. : Книга, 1991. – 448 с.
12. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность [Электронный ресурс] / Николай Бердяев ; сост. и комментарии В.В. Сапова. – М. : Канон+, 1999. – 464 с. – (История философии в памятниках). – Режим доступа к тексту : http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1907_2_000.htm
13. Бердяев Н. Смысл творчества / Николай Бердяев. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 414, [2] с. – (Философия, Психология).
14. Титаренко С.А. Специфика религиозной философии Н.А. Бердяева / С.А. Титаренко ; науч. ред. Г.В. Драч ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. – 288 с.
15. Чекер Н.В. Фигура автора в реализме, модернизме, постмодернизме и синергетике / Чекер Н.В. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2007. – № 764-1. – Випуск 32 («Наука і релігія в освітньому просторі»). – С. 265-271. – (Серія: теорія культури і філософія науки).
16. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Николай Бердяев // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого / сост. и вступ. ст. В.Н. Калужного. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2005. – 620, [4] с. – С. 341-498. – (Philosophy).
17. Бердяев Н.А. Великий инквизитор [Электронный ресурс] / Николай Бердяев // Вопросы философии и психологии. – 1907. – № 86. – С. 1-36. – Режим доступа к тексту : http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1907_134_vel_ink.htm
18. Бердяев Н.А. Философия свободы [Электронный ресурс] / Николай Бердяев. – М. : Путь, 1911. – 281 с. – Режим доступа к тексту : http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1911_05_00.html

Н.В. Чекер, С.А. Титаренко

Проблема особенностей становления религиозно-философской концепции творчества М.О. Бердяева в период до 1916 року

У статті розглянуті особливості становлення релігійно-философської концепції творчості М.О. Бердяєва в період до 1916 року. Авторами проаналізовані витoki та деякі ключові характеристики, що надають своєрідності підходам М.О. Бердяєва до проблематики творчості.

N. Cheker, S. Titarenko

The Problem of Specificity of Evolution of N. Berdyaev's Religious-Philosophical Creativity Conception in the Initial Period of its Conceptualization (till 1916 y.)

The article deals with the specificity of evolution of N.A. Berdyaev's religious-philosophical creativity conception in the period of its first conceptualization. The authors analyse its origin and some essential features.

Статья поступила в редакцию 08.05.2009.